

Франк Молано Камарго¹
Frank Molano Camargo

**Маоизм в глобальной истории:
революционная практика за пределами
экзотики**

**Maoism in Global History: A Revolutionary
Practice Beyond Exoticism**

**El maoísmo en la historia global: una
práctica revolucionaria más allá del
exotismo**

Аннотация: Маоизм – это глобальное политико-идеологическое течение, возникшее в ходе китайской революции в первой половине XX в., но ставшее революционным проектом глобального масштаба. В этом смысле данная статья предлагает обобщающий взгляд на исследования глобальной истории маоизма, указывая на их вклад, дискуссии, ограничения, чтобы понять богатство истории коммунистических левых в мире не как устаревшее прошлое, а как настоящее прошлое, действующее и связанное с современной освободительной борьбой.

Ключевые слова: коммунистические левые, глобальная история,

¹ **Франк Молано Камарго** – преподаватель Университета Хосе Кальдаса, Богота, Колумбия; **Frank Molano Camargo** – profesor of the University Francisco José de Caldas, Bogotá-Colombia; **Frank Molano Camargo**. Docente titular de la Universidad Distrital Francisco José de Caldas, Bogotá-Colombia. Email: fmolanoc@udistrital.edu.co. <https://orcid.org/0000-0001-9409-2468>

маоизм, революционная борьба

Abstract: Maoism is a global political and ideological current, emerged in the course of the Chinese revolution during the first half of the 20th century, but turned into a revolutionary project with a global reach. In this sense, this article proposes a synthesis look at the studies of global history of Maoism, pointing out its contributions, discussions, limitations, to understand the richness of the history of the communist lefts in the world, not as a past overcome, but as a present past, active and related to contemporary emancipatory struggles.

Keywords: communist left, global history, maoism, revolutionary struggles

Resumen: El maoísmo es una corriente política e ideológica global, surgida en el curso de la revolución china durante la primera mitad del siglo XX, pero convertida en un proyecto revolucionario de alcance global. En tal sentido el presente artículo propone una mirada de síntesis a los estudios de historia global del maoísmo, señalando sus aportes, discusiones, limitaciones, para comprender la riqueza de la historia de las izquierdas comunistas en el mundo, no como un pasado superado, sino como un pasado presente, actuante y relacionado con las luchas emancipatorias contemporáneas.

Palabras clave: izquierda comunista, historia global, maoísmo, luchas revolucionarias

DOI: 10.32608/2305-8773-2022-36-1-134-151

Исторические исследования левых и их глобальное присутствие вновь стали популярными темами ученых. Повторяющиеся кризисы западного капитализма, общественная борьба, подъем Китая в глобальном контексте и триумф прогрессивных правительств в разных странах мира составляют элементы исторической конъюнктуры, в рамках которой растет интерес большой группы историков к прошлому коммунистических левых. В этой статье речь идет о формировании за последние 10 лет многообещающей исследовательской работы:

глобальной истории маоизма.

После распада Советского Союза возник глобальный нарратив, который стремился уравнивать диссидентство, коммунизм, тоталитаризм и терроризм в настоящем без истории, не оставляя возможности исторически мыслить об истории левых². Однако в начале XXI в. новые перспективы исторических исследований дистанцировались от некритических осуждений или извинений и прибегли к обновленным методологическим и теоретическим ключам понимания для обсуждения разнообразия маршрутов и идентичностей коммунистических левых, организаций и субъектов, которые их интегрируют, идеологий, дискурсов, семиотики, а также используемых стратегий и тактик, эксцессов, ошибок, а также вклада в формирование социальных движений и культуру международного сопротивления³.

Одним из течений глобальных коммунистических левых является маоизм, наряду с геваризмом, троцкизмом и советским коммунизмом. Среди историков маоизма существует консенсус в отношении того, что это идеологическое, политическое и культурное течение оказало значительное влияние в 1960-х и 1970-х гг., в период, о котором написано наибольшее количество исторических трудов. Глобальная история обеспечивает новую аналитическую основу, которая выходит за рамки акцента на национальных случаях и исследует такие вопросы, как распространение и восприятие маоизма, формирование политических, культурных и редакционных сетей, поездки в Китай и из Китая, среди других аспектов.

Следовательно, речь идет представить здесь синтез

² Furet y Nolte, 1999. Castañeda, 1993

³ Concheiro, 2007

наиболее значимых элементов глобальной истории маоизма. Для этого в статье сначала предлагается историческая характеристика маоизма как глобального течения. Во-вторых, исходя из критики недавней работы Джулии Ловелл изложим центральные аспекты новой глобальной историографии маоизма. Наконец, поразмышляем об элементах истории глобального сегодняшнего, современного маоизма.

Глобальный маоизм

Маоисты возникли как глобальный политический и идеологический призрак в 1960-х и 1970-х гг., период, ставший частью их идеологической и политической идентичности, исходившей из тезисов Мао Цзэдуна, предложивший особое понимание местной и мировой реальности, народной борьбы, их истории и будущего. Китайский коммунизм приобрел актуальность после триумфа революции в Китае (1949 г.), но особенно в результате полемики между Мао и советским лидером Никитой Хрущевым после смерти Сталина и XX съезда КПСС в 1956 г. К 1959 г. китайско-советские дебаты уже были публичными, которые с разной интенсивностью оказывали влияние на коммунистические партии мира, приводя к расколам, разрывам, к формированию новых поколений активистов, которые продвигали новые организационные и политические проекты.⁴

⁴ Разногласия Мао с советским руководством вращались вокруг тезисов последнего о «мирной тройке»: мирном сосуществовании социализма и капитализма, мирном переходе от капитализма к социализму и мирном соревновании между социализмом и капитализмом, а также о характере коммунистической партии, революции в странах третьего мира и строительстве социализма. (Devés y Melgar, 2005).

Динамика китайских коммунистов и других революционеров Азии (Вьетнама и Кореи) в «глобальные шестидесятые годы» привела к тому, что эти пространства перестали быть пассивными объектами изучения и стали политическими агентами, вдохновляющими на драматические изменения, как в судьбе отдельных людей, так и в народной борьбе, указывая на пути, отличные от модернизации развития, предлагаемой США, а также от модели советского социализма⁵.

В результате разрыва с СССР и КПСС Мао и КПК искали свой собственный путь, что восходило к их традиции. Для этого были развернуты кампании в национальном масштабе, в то время как на международном уровне они широко распространяли «идеи Мао Цзэдуна» для привлечения сторонников среди различных коммунистических партий, революционных организаций и демократических правительств по всему миру. Развертывание гигантской пропагандистской кампании агентства «Синьхуа», которое с момента своего создания в 1931 г. в освобожденных районах Китая сделало перевод и распространение пропаганды фундаментальным средством политической борьбы, для чего к 1960-м гг. располагало переводчиками почти всех языков мира, как китайских, так и иностранных.

Многие революционеры со всех стран находили в китайском опыте и марксизме Мао новое воображаемое и ряд идей, которые они пытались применить в своих странах. Маоизм предлагал переосмыслить движущие силы истории, что касалось не только рабочего класса, но и представительство крестьянства, мелкой буржуазии, немонополистической буржуазии, студенчества, молодежи, женщин и угнетенных этнических групп. Более

⁵ Lanza, 2021; Rupar, 2018.

того, китайские коммунисты распространили категорию «третьего мира» как геополитического пространства, единство которого было основополагающим для борьбы с империализмом⁶. Мао и китайское руководство в отличие от российских коммунистов не структурировали международную организацию маоистских групп и партий, а дали импульс активной пропагандистской кампании и отношениям с демократическими государствами, партиями и деятелями.

После смерти Мао в 1976 г. маоизм перестал быть господствующей идеологией в Китае, но к тому времени он уже был автономным идеологическим и политическим течением по отношению к китайским правителям, которые начали демаоизацию⁷. Маоистские повстанцы в Перу, Непале, на Филиппинах в конце XX и начале XXI вв., а также невооруженные маоистские движения с различным организационным потенциалом во многих странах мира и с дифференцированной степенью сотрудничества и координации стали индикаторами живучести маоизма как глобального течения.

Дебаты в глобальной истории маоизма

Быстрое международное распространение и восприятие работы британского сиолога Джулии Ловелл, «Глобальная история маоизма»⁸ не только говорит о растущем интересе к этому глобальному явлению, но и указывает на то, какой нарратив о маоистском коммунизме наиболее успешен на культурном рынке глобального капитализма. Действительно, Ловелл проделала огромную работу по документированию

⁶ Gillespie, 2004

⁷ Teiwes y Sun, 2022.

⁸ Lovell, 2021.

маоистского опыта в Китае, Индонезии, Вьетнаме, Камбодже, Индии, Непале, в африканских странах, США, в странах Западной Европы и в Перу. Автор подчеркивает, что на самом деле не существует маоизма как некоего единого доктринального, теоретического и политического движения, а как неблестящая реализация с негативными догматическими практиками и насилием (Камбоджа, Индия, Непал и Перу). Автор решительно утверждает, что как обещания Мао об новом Китае, так и заявления маоизма о пользе насилия привели к неудачам и разочарованиям. Кроме того, Ловелл предупреждает о тяжелых последствиях для рынка и глобальной капиталистической демократии подъема Китая как мировой державы: «При Мао усилия Коммунистической партии Китая по экспорту китайских идеалов революции и системы управления во всем мире имели неоднозначные результаты: неудачи были многообразны, а успех мало предсказуемым. Этот опыт помогает осветить проблемы, с которыми может столкнуться современный проект создания «модели Коммунистической партии Китая» в мировом масштабе»⁹.

Эта книга получила многочисленные похвалы, но также и серьёзную критику. Я хочу подчеркнуть следующие ограничения теоретико-методологических подходов в глобальной истории маоизма этого автора. Во-первых, речь идет о его представлении об отсутствии маоизма и его плохой адаптации в разных географических регионах. Во-вторых, делался акцент на насильственном характере маоизма. Наконец, идея, что нынешний маоизм принципиально ограничен ролью лидера Коммунистической партии Китая Си Цзиньпина, чему посвящен раздел, который закрывает статью.

⁹ Lovell, 2021, P. 347

Маоизм как глобальная революционная теория

Джулия Ловелл утверждает, что маоизм — это система идей и практик не уникальная для Китая, а глобализированная, хотя и противоречивая, имеющая отличия от марксизма и характеризующаяся глобальным догматическим культом Мао и крайними формами революционного насилия. В конечном выводе маоизм, несмотря на то что считается одним из самых значительных политических течений XX в., не существует. Для Ловелл термин маоизм служит фигурой речи, «словесным зонтиком для широкого спектра теории и практики, приписываемых Мао и его влиянию в последние восемьдесят лет»¹⁰.

Предложенное Ловеллом понятие глобального маоизма методологически недостаточно и основано на упрощенном понятии циркуляции идей. Она предполагает глобальное пространство как сферу, через которую циркулируют идеи и политические практики, присвоенные авторитарными интеллектуалами в нерегулярных зонах этой сферы, то есть в рамках национальных образований. Другая глобальная историография маоизма показывает иные грани проблемы.

Австралийский историк Мэтью Голуэй в своей работе о Камбодже предлагает методологическую адаптацию для анализа маоизма как «теории путешествий». Концепция теории путешествий, предложенная Эдвардом Саидом, включает в себя процессы производства, передачи (или экспорта) и рецепции. Голуэй расширяет рецепцию проблемами воздействия-рецепции внешних взаимоотношений, исторических условий восприятия и принятия практики. Кроме того, она включает в себя идею

¹⁰ Lovell, 2021, P. 19

адаптации (интеллектуальной, практической и нормативной) и реализации (консолидация, реконфигурация и трансформация). Таким образом, система идей Мао была экспортирована Коммунистической партией Китая, принята и адаптирована коммунистами в других странах¹¹. Эта точка зрения приводит не к самодовольному анализу зверств красных кхмеров в Камбодже, а к интеллектуальной попытке понять последствия распространения системы идей, в данном случае маоизма.

То, что Ловелл называет системой противоречивых идей с пустым содержанием, на самом деле было глобальной и местной революционной практикой, критическим интерпретационным ресурсом, идеологическим дискурсом, радикальным словарем для развертывания политической борьбы в социально и культурно разнообразных сценариях, состоящее из нескольких уровней, требующих тонкой настройки анализа¹². Это утверждение полезно не только для глобальной истории маоизма в 1960-х и 1970-х гг., но и для последующих десятилетий. В противном случае было бы трудно проанализировать сохранение бесчисленных организаций, которые претендуют на то, чтобы быть маоистскими, и которые создают сети координации и сотрудничества.¹³

¹¹ Galway, 2022, P. 8

¹² Galway, P. 7.

¹³ Например, в 1980-х и 1990-х гг. роль Революционного интернационалистского движения, (Movimiento Revolucionario Internacionalista, MRI), которое объединило маоистские организации с разных континентов, включая Коммунистическую партию Перу (Сендеро Луминосо), Коммунистическую партию Непала-маоистскую, Революционную коммунистическую партию США. Кроме того, с 2010 г. существует Международная координация

Глобальные исследования маоизма в Латинской Америке, регионе, где этот тип исследований недавно начал заполнять академический вакуум, показывают, что как под руководством Мао у Китая, в том числе после смерти лидера маоистские сети, революционеры, побывавшие в Китае, усилия маоистской прессы способствовали превращению маоизма в важное глобальное течение на политической и культурной сцене.

Историк Мэтью Ротвелл в книге «Transpacific Revolutionaries» изучает исторические отношения между Латинской Америкой и Китаем на примере Мексики, Перу и Боливии. По мнению Ротвелла, существование транснациональных сетей, частью которых были общественные активисты, коммунисты, демократические политики, латиноамериканские художники и их китайские коллеги, посредством форумов, поездок, политических и военных учебных курсов, организованных китайским правительством, позволило установить, что латиноамериканцы были не просто пассивными получателями маоистских идей, но, помимо реконструировали маоистских идей в применении к национальной ситуации ключе, тем самым порождая то, что стало известным как глобальный маоизм¹⁴.

В нескольких работах аргентинского историка Брендды Рупар отмечается, что в 1960-х гг. часть латиноамериканских коммунистов поддержала тезисы Мао в китайско-советской дискуссии, породившей диссидентов в МКД и новые маоистские политические группировки. Тогда маоизм стал отдельным, самостоятельным течением в мировом коммунистическом

революционных партий и организаций (Coordinación Internacional de Partidos y Organizaciones Revolucionarias), членами которой являются около 60 маоистских группировок из нескольких стран.

¹⁴ Rothwell, 2013.

движении¹⁵. Мексиканско-колумбийский историк Мигель Уррего изучал различные способы формирования латиноамериканских маоистских организаций в контексте Холодной войны и китайско-советского конфликта: раскол коммунистических партий, появление маоистских организаций из университетских активистов, увлечение политических и культурных активистов процессом социальных трансформаций в маоистском Китае и влияние деятельности Сендеро Луминосо, что в целом внесло вклад в появление «новых левых» в регионе¹⁶.

В мае 2022 г. состоялся первый конгресс по глобальной истории маоизма в Латинской Америке, на котором было представлено большое количество текущих исследований и исторических размышлений о маоизме в Бразилии, Чили, Аргентине, Уругвае, Перу, Колумбии и Мексике. Это указывает на важную и растущую область глобальных исследований маоизма в его региональной перспективе.

Глобальный маоизм: только насилие?

Прочтение Ловелла глобального маоизма могло привести к выводу, что патологическое обращение к насилию, пропагандируемое радикальными элитами Индии, Камбоджи и Перу, манипулировавшие народными массами, оказалось отличительным содержанием этого международного революционного течения. Ничто не может быть более ошибочным от исторических реалий. Как раз случаи восстаний в Индии, Камбодже и Перу, широко документированные, не стали преобладающими в глобальном маоизме. Культурные проекты, строительство политических организаций с народной базой, культурная борьба, участие в выборах были и остаются в настоящее

¹⁵ Rugar, 2018.

¹⁶ Urrego, 2017.

время его преобладающей характеристикой. Более того, в рецензии на текст Ловелла историк Голуэй указал, что факт пакта между Пол Потом и Абимаэлем Гусманом о продвижении насильственных методов борьбы, якобы в котором принимали участие многие маоисты, посещавшие Китай, основан на недостоверных исторических источниках, что показывает преднамеренное усилие автора представить определенное видение маоизма¹⁷.

Милитаризм, лишенный лежащего в основе политического содержания, на который Ловелл указывает как на природу маоистских политических направлений, иррационально и навязчиво жестокий, был поставлен под сомнение такими историками, как Фабио Ланса, который указывал, что в «долгие шестидесятые» годы студенты, борцы за независимость и рабочие во всем мире, включая Черных пантер в США, французских радикальных интеллектуалов и студентов, крестьян Танзании и революционеров Ирана увидели в маоизме возможность трансформации и сделали свой эгалитарный и мятежный проект не детским и экзотическим увлечением, а политическим выбором, инструментом критики существующего мира и попыткой изменить его¹⁸.

Безусловно, насилие и террористическая практика присутствовали как у Сендеро Луминосо, так и у «красных кхмеров». Но это насилие не может быть объяснено как своего рода маоистская инфекция, попавшая к злобным психопатам. Голуэй указывает, что уровни насилия, применяемого маоистами в Камбодже и Перу, связаны с тем, что революционеры внесли авторитарные коррективы в маоистскую «теорию переноса» практики, которая дала катастрофические

¹⁷ Galway, 2020

¹⁸ Lanza, 2021.

результаты, что не освобождает лидеров от ответственности, но и не деполитизирует их в горизонте иррациональности и безумия¹⁹. Несомненно, Пол Пот и Абимаель Гусман не были демоническими существами, рожденными для того, чтобы вредить своим обществам. Они читали маоистскую литературу, адаптировали ее идеи к революционным целям в своих национальных реалиях, но они организовывали догматическую и очень авторитарную борьбу. Вопреки утверждению Ловелла, насилие в таких случаях, как Перу и Камбоджа, не может быть объяснено только ответственностью маоистов, так как и США, так и местные правящие классы сыграли свою роль в этих исторических процессах, в сохраняющейся несправедливости.

Насилие не было отличительным фактором маоизма. Ротвелл исчерпывающе показал, что китайское агентство «Синьхуа» отвечало за содействие поездкам и обменам в Китай не только коммунистических политических кадров (не все обучались партизанской борьбе), но и художников, интеллектуалов и политиков разных демократических течений, что было частью повестки дня активной культурной дипломатии. По этой причине военные курсы не были в центре внимания этой деятельности²⁰. Работа чилийки Моника Аумады о чилийских путешественниках в Китай показывает, что многие персонажи, такие как художник Хосе Вентурелли, который после своей поездки в 1952 г. основал Чилийско-китайский институт культуры вместе с Пабло Нерудой и Сальвадором Альенде, позволили сделать известными в этой южноамериканской стране изменения, произошедшие в Новом Китае, в то же время способствуя культурным и деловым связям между

¹⁹ Galway, 2021, P. 204.

²⁰ Rothwell, 2013.

двумя странами²¹.

С другой стороны, маоистские сети и обмены на глобальном Севере (Северная Америка и Западная Европа) стали усилением общественных процессов сопротивления. Работа Аарона Леонарда и Конора Галлахера посвящена маоистской организации Революционный союз (Великобритания) /Революционная коммунистическая партия (PCR) с 1968 по 1980 гг., в которой участвовали такие активисты, как Лейбель Бергман, Боб Авакян, Брюс Франклин и Стив Гамильтон, стремившиеся построить политическую партию трудящихся, и которые столкнулись с внутренней борьбой и систематическим проникновением ФБР, чтобы уничтожить организацию. Эта работа позволяет расширить понимание боевого опыта во времена Холодной войны²². Со своей стороны, маоисты-негры (не только «Черные пантеры») сделали свое собственное прочтение этого международного течения в рамках борьбы за экономическую демократию, массовое политическое участие и антирасистскую глобальную современность²³. С другой стороны, работа Робсона Тадж Фрейзера исследует поездки афроамериканских активистов и интеллектуалов (WEB Ширли Грэм Дюбуа, Уильям Уорти, Вики Гарвин, Мэйбл и Роберт Уильямс, среди прочих) в Китай. Это были обменные поездки, в которых афроамериканцы не были пассивными получателями, на которых воздействовали доктринизацией, но способствовали переосмыслению отношений между азиатской борьбой против империализма и черными американскими движениями

²¹ Ahumada, 2020.

²² Leonard y Gallagher, 2014.

²³ Frazier, 2014.

против социальной, расовой и экономической несправедливости.

Таким образом, историк культуры Ричард Волен²⁴ подчеркивает, что в 1960-х гг. большое количество французских интеллектуалов (Мишель Фуко, Жан-Поль Сартр, Джулия Кристева, Филипп Соллерс и Жан-Люк Годар, среди прочих) активно приближались к маоизму и, хотя они не продвигали напрямую маоистские партии, они сыграли решающую роль в оживлении французской гражданской и культурной жизни. Упомянутые выше работы Рупар и Уррего указывают на аргентинский и колумбийский случаи, где некоторые маоистские организации имели в качестве политической практики не вооруженную борьбу, создавали партийные организации для ненасильственной политической борьбы. Моя собственная работа о крестьянской борьбе в Колумбии под руководством маоистских организаций, демонстрирует похожие результаты²⁵.

Вместо заключения: сегодняшний глобальный маоизм
есть не только в Китае

Ловелл отмечает, что наибольшее распространение маоизма произошло в 1960-х и 1970-х гг., затем наступил период позднего маоизма, который привел к драматическому опыту Камбоджи, Перу и Индии, чтобы, наконец, снова оказаться в Китае во главе Си Цзиньпинем. Это резкое закольцовывание глобальной истории маоизма затмевает активное присутствие не только повстанцев, но и местных и глобальных маоистских сетей различных измерений, которые продолжают действовать в мире.

Вооруженная борьба на Филиппинах, ведущаяся с 1964

²⁴ Wolin, 2010.

²⁵ Molano, 2017.

г. маоистами, упорство маоистских партизан в центральной и восточной Индии — это движения, которые Ловелл игнорирует. Однако глобальная история современности маоизма пока не существует и поэтому то и необходима. Эта новая история может опираться на теоретические и методологические рамки, предоставляемые существующей литературой. И это должны быть усилия, в равной степени глобальные, по сбору и анализу информации из более чем ста организационных опытов, действующих в Океании, Африке, Азии, Северной и Южной Америке и Европе, посредством мониторинга имеющихся веб-сайтов, международных форумов, интервью с активными маоистскими лидерами, по результатам культурных и редакционных проектов среди прочего.

Хотя существует политический кризис во всех коммунистических течениях, они по-прежнему присутствуют в борьбе против неолиберализма, империализма, против разрушение природы и против патриархальности. Сокращение производства, распространения и присвоения маоистского революционного проекта теперь, когда нет международного коммунистического центра, более чем необходимы. Такие аспекты, как идеологический кризис, приведший к роспуску MRI, международная работа проекта «Новый синтез коммунизма» под руководством Б. Авакяна в РКП США, возникновение и развитие с 2010 г. Международной координации революционных партий и организаций, ICOR, влияние военного поражения Сендеро Луминосо, изменения поддержки перуанской революции в глобальных сетях, поворот в маоистской политике в Непале после подписания мирных соглашений, маоистская ассамблея для работы с этнической, феминистской, экологической, молодежной борьбой

являются осями анализа, которые выходят за классические рамки национального государства и требует аналитической стратегии, связывающей трансграничные и локальные пространства. Это, вообще говоря, предварительные пункты для программы исследований по глобальному маоизму, существующей в настоящее время.

Библиография / Referencias

- Ahumada M.* Viajeros a la República Popular China: José Venturelli, los intelectuales, políticos y parlamentarios chilenos en los años cincuenta y sesenta // *Transmodernity: Journal of Peripheral Cultural Production of the Luso-Hispanic World*, vol. 9, nº 3, 2020. P. 6-29.
- Castañeda J.* La utopía desarmada. Intrigas, dilemas y promesa de la izquierda en América Latina. México: Joaquín Mortiz, 1999.
- Concheiro B.E.* Los comunistas del siglo XX: algunas distinciones necesarias // *El Comunismo: Otras miradas desde América Latina*. México: UNAM, 2007.
- Devés E., Melgar R. El pensamiento del Asia en América Latina. Hacia una cartografía // *Revista de Hispanismo Filosófico*, nº 10, 2005.
- Frazier R.* *The East Is Black. Cold War China in the Black Radical Imagination*. Durham Duke University Press, 2014.
- Furet F., Nolte E.* *Fascismo y comunismo*. Madrid: Ed. Alianza, 1999.
- Galway M.* Review Essay of *Maoism: A Global History* by Julia Lovell // *The PRC History Review Book Review Series* nº 24, August, 2020.
- Galway M.* *The Emergence Of Global Maoism. China's red evangelism and the Cambodian communist movement, 1949–1979*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2022.

- Gillespie S.* Diplomacy on a South-South Dimension: The Legacy of Mao's Three-Worlds Theory and the Evolution of Sino-African Relations // Hanna Slavick (Ed). Intercultural Communication and Diplomacy. Malta and Geneva: Diplo Foundation, 2004.
- Lanza F.* Introduction: The Politics of (Maoist) History // Positions Asia critique, vol. 29, n° 4, November 2021, P. 675–688.
- Lanza F.* Global Maoism. // Shiping Hua (Ed.) Chinese Ideology. London: Routledge, 2021.
- Leonard A., Gallegher C. Heavy Radicals - The FBI's Secret War on America's Maoists: The Revolutionary Union / Revolutionary Communist Party 1968-1980. Zero Books, Alresford, Hants, 2014.
- Lovell J.* Maoism. A global History. New York: Vintage Books, 2021,
- Molano F.* El campo es leña seca lista para arder. La Liga Marxista Leninista de Colombia, 1971-1982 // Anuario Colombiano de Historia Social y de la Cultura, vol. 44, n° 2, 2017, P. 137-170.
- Rothwell M.* Transpacific revolutionaries: the Chinese revolution in Latin America. New York: Routledge, 2013.
- Rupar B.* El debate chino-soviético y la emergencia del maoísmo como corriente política diferenciada en el Movimiento Comunista Internacional // Historia Contemporánea, n° 57, 2018, P. 559-586. DOI: 10.1387/hc.18005
- Teiwes C., Sun W.* PRC Foreign and Military Policy, 1977-81: Shades of Mao, the Imprint of Deng. China Studies Working papers. China Studies Centre, Faculty of Arts and Social Sciences The University of Sydney, February 2022.
- Urrego M.* Historia del maoísmo en América Latina: entre la lucha armada y servir al pueblo" // Anuario Colombiano de Historia Social y de la Cultura, vol. 44, n° 2, 2017, P. 111-

135.

Wolin R. The Wind From the East: French Intellectuals, the Cultural Revolution, and the Legacy of the 1960s. Princeton University Press, 2010.